

«Эти негодяи обвиняют меня в слепой и ретроградной вере во Христа, — писал он в одном из своих писем. — Этим олухам и не снилась та глубина отрицания, которую я вывел в "Инквизиторе". И они хотят учить меня!»

Христианство Достоевского — мистично и реалистично, каким христианство и должно быть. Его христианство было исполнено горения первых мучеников. Достоевский глубоко видел печать первородного греха в душе человека. Все же, сквозь грешное и бунтующее человеческое естество, он прозревал в человеке образ Божий.

Религиозно-мистический план составляет глубиннейшую и высочайшую сущность того, что мы называли «метафизическим планом».

Здесь и происходит то «касание мирам иным», о котором говорил старец Зосима. Из этого плана и струится тот незримый свет, та незримая гармония, к которой столь страстно стремился всю жизнь Достоевский. Недаром он сказал — «счастье не в наслаждениях любви, а в высшей гармонии духа». Достоевский не достиг при жизни этой высшей гармонии духа. Его творчество прервалось на высокой патетической ноте — подобно «Неоконченной симфонии» Шуберта.

Вообще, он был более богоискатель, чем святой.

Но, говоря словами блаженного Августина, — «Я не стал бы искать Тебя, если уже не нашел Тебя в глубине моего сердца».

Ибо «невидимая гармония прекраснее, чем видимая» (Гераклит Темный).